

ГЕРМАНЪ ГРИММЪ

МИКЕЛЬ

АНДЖЕЛО

БУОНАРРОТИ

ВЫП: 3

ПЕРЕВОДЪ ВЪ МАЛАХІЕВОЙ-МИРОВИЧЪ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦІЯ КНИГИ
М. В. ДОБУЖИНСКАГО И В. Н. ЛЕВИТСКАГО

І 9 І 3

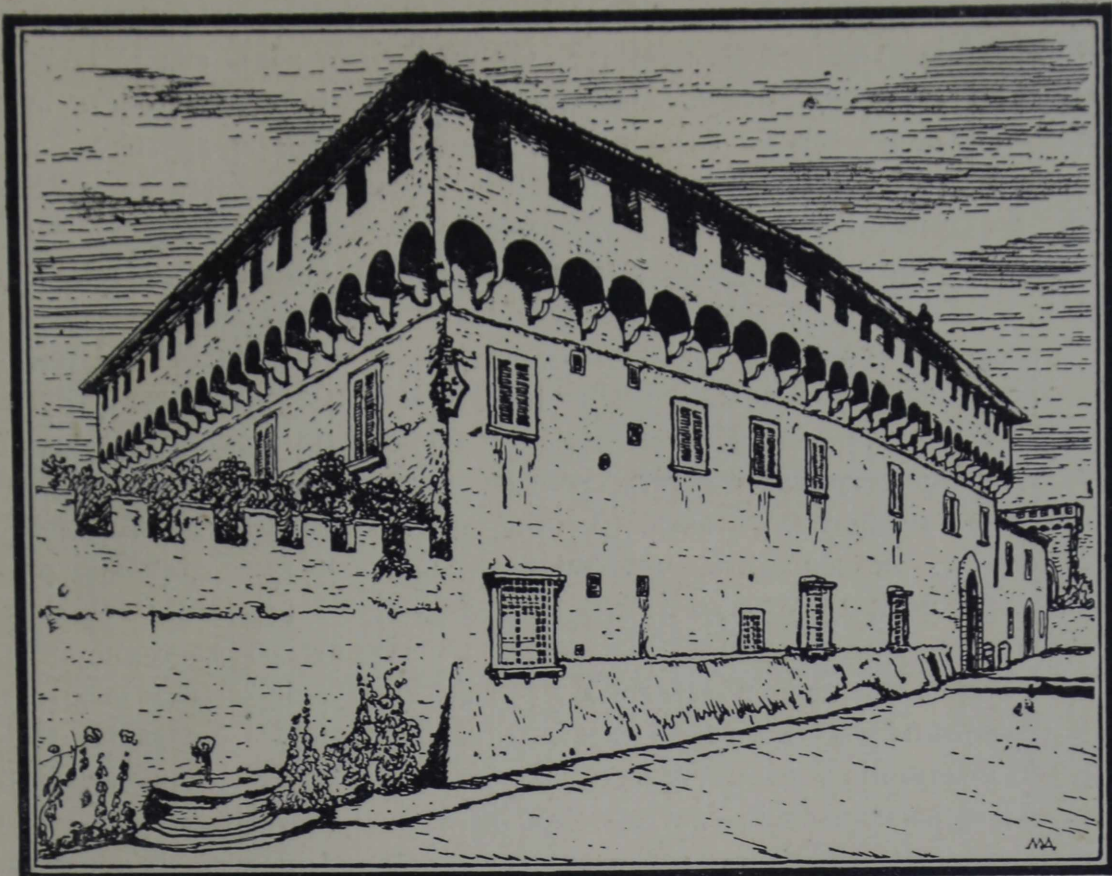
ИЗДА
ГРЯДУЩИ
ДЕНЬ
СПЕ
РЕДАКТОРЪ
А. А
ВОЛЫНСКІЙ

11 ФЕВ 2008

ПРОБЕРТН

В И Л Л А М Е Д И Ч И — К А Р Р Е Д Ж И.

О времени убійства Джуліано прежнее безпечно веселое настроеніе, всегда царившее при дворѣ Медичи, уже больше не возвращалось. Умолкъ шумъ устраиваемыхъ въ Карреджи празднествъ, на которыхъ поэты и музыканты состязались въ искусствѣ, ученые вели философскія бесѣды подѣ тѣнью лавровъ, и всѣ вообще участники беззаботно предавались мечтамъ о будущемъ съ тѣмъ довѣріемъ къ жизни, какое необходимо для духовно-непосредственнаго наслажденія ея

дарами. Перемѣна, совершившаяся въ настроеніи Медичи, отразилась на всей жизни Флоренціи. Грозовыя тучи еще не заволокли неба, но всѣми чувствовалось ихъ приближеніе.

Два обстоятельства давали тогда тонъ политической жизни флорентійской республики. Во-первыхъ, по мѣрѣ того какъ силою обстоятельствъ расширялась власть Лоренцо, у равной ему по знатности аристократіи, у всѣхъ этихъ Строцци, Содерни, Каппони и другихъ могущественныхъ родовъ, выросло опасеніе попасть къ нему въ зависимость. Во-вторыхъ, чѣмъ яснѣе Лоренцо чувствовалъ вражду къ себѣ, ея неизбѣжность, тѣмъ больше долженъ былъ онъ стараться не подавать своимъ поведеніемъ и виду, что думаетъ о ней, направляя усилія къ тому, чтобы привлечь на свою сторону демократическіе слои народа. Отсюда тѣ непрерывныя публичныя празднества и увеселенія, какія онъ устраивалъ для простонародья. Можно, пожалуй, спорить противъ утвержденія, будто Лоренцо стремился стать неограниченнымъ правителемъ Флоренціи. Вѣдь извѣстно, съ какою настойчивостью убѣждалъ онъ своего сына никогда не забывать, что Медичи—лишь первые граждане республики. Но если даже и допустить, что Лоренцо сознавалъ опасности, связанные съ возвышеніемъ его семьи въ герцогское достоинство, и хотѣлъ отсрочить ихъ наступленіе, все-же сила вещей дѣлала этотъ шагъ неизбѣжнымъ въ глазахъ всякаго освѣдомленнаго человѣка. Финансовое положеніе Медичи принуждало ихъ захватить въ свои руки безконтрольное распоряженіе государственной казной. Необходимость этого съ каждымъ годомъ становилась все настоятельнѣе и вела къ тираниі.

Въ этомъ обстоятельствѣ таились зародыши будущей бури. Флорентійцы были слишкомъ опытными купцами, чтобы не сообразить, къ чему клонится политика Медичи. Однако, пока создавались поводы опасной для Лоренцо борьбы, нуженъ былъ человѣкъ, который объявилъ-бы ее, который сталъ-бы ея руководителемъ, тѣмъ болѣе, что настроеніе недовольства среди массы гражданъ само по себѣ еще недостаточно созрѣло. При такихъ обстоятельствахъ во Флоренціи выступила новая сила, опасная и сокрушительная, въ лицѣ человѣка, достаточно мужественнаго для того, чтобы облечь плотью мечты своего духа. Человѣкъ этотъ былъ Джироламо Савонарола, и мечтой его была полная политическая и нравственная реформа Флоренціи во имя ея свободы. Судьба благоприятствовала его замыслу.

Савонарола былъ родомъ изъ Феррары. Онъ поселился во Флоренціи въ возрастѣ тридцати семи лѣтъ, въ томъ самомъ году, когда Микель-Анджело былъ принятъ во дворецъ Лоренцо. Савонарола уже и раньше пріѣзжалъ сюда на короткое время, но тогда его проповѣди не встрѣтили отклика въ сердцахъ флорентійцевъ. Теперь-же, будучи уже вполне зрѣлымъ человѣкомъ, онъ сразу сталъ на тотъ путь, которому не измѣнялъ до конца жизни. Убѣжденія его сложились почти съ дѣтскихъ лѣтъ, и онъ не отступилъ отъ нихъ до самой смерти.

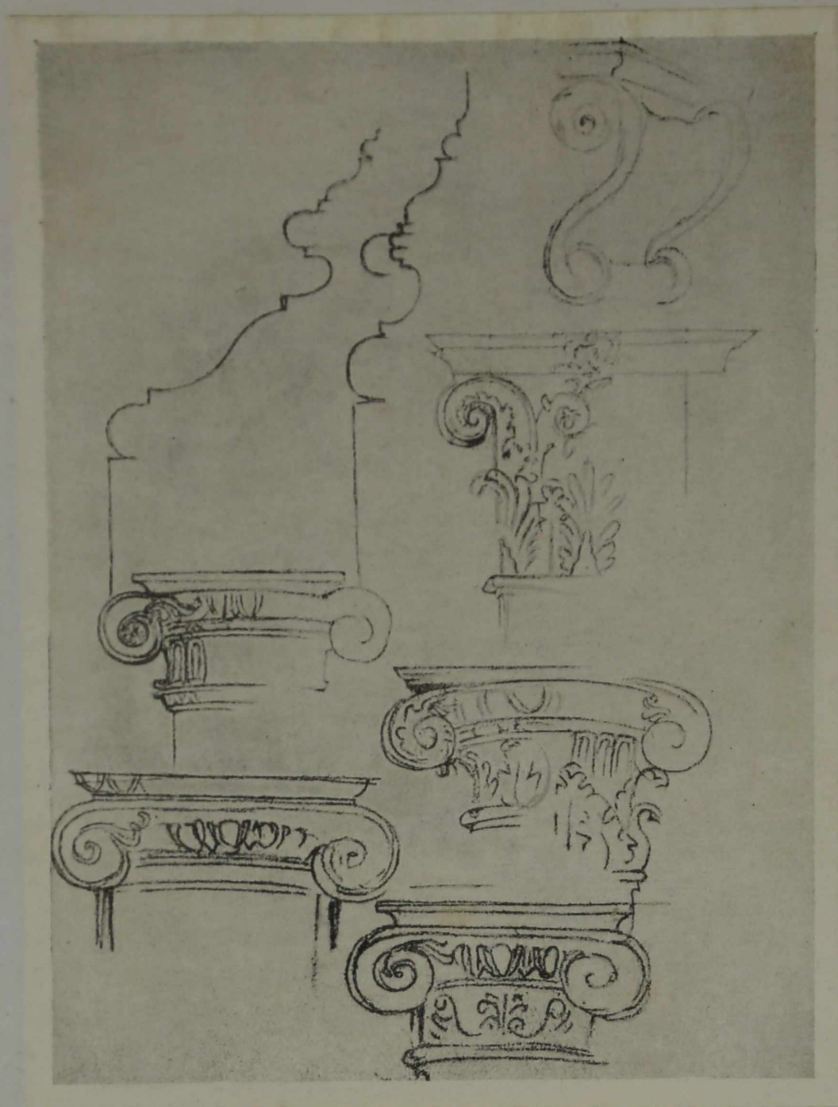

М А

М А

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.
АПОЛЛОНЪ.
БЕРЛИНЪ. КОРОЛЕВСКИЙ МУЗЕЙ.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

CASA BUONARROTI ФЛОРЕНЦІЯ.

ДЕТАЛЬ АНТИЧНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

Ученическіе годы.

Этого нѣжнаго, одинокаго, внутренне сосредоточеннаго челоуѣка, сотканнаго словно изъ желѣзныхъ кружевъ, можно было-бы назвать идеей, облеченной въ плоть и кровь. Воля, его одушевлявшая, гнавшая впередъ и державшая его въ напряженіи, выступаетъ изъ каждаго поступка Савонаролы съ такою чистотой, что явленіе чудесной, но односторонней силы кажется чѣмъ-то даже ужаснымъ. Мы, люди, всегда живемъ въ чаду неопредѣленности, намъ необходимой. Даже Гёте признавался въ нѣкоторой духовной неразборчивости. Время производитъ перемѣны въ нашихъ мысляхъ, и противостоятъ этому процессу мы не можемъ. Отъ одного мы переходимъ къ другому, сбиваемся то вправо, то влѣво отъ настоящаго пути, считаемъ большимъ событіемъ, когда намъ удастся хотя на короткое время взять въ свои руки руль, когда чувствуемъ, что, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ не идемъ назадъ

РИСУНОКЪ

МИКЕЛЬ
АНДЖЕЛО
БУОНАР
РОТИ

ПЕРВЫЙ
ФЛОРЕН-
ТІЙСКІЙ
ПЕРІОДЪ

ЛУВРЪ.

ПАРИЖЪ

А Савонарола пересѣкъ туманное море жизни, какъ корабль, не нуждающійся въ парусѣ и благопріятныхъ вѣтрахъ, не сбивающійся съ пути даже при грозныхъ буряхъ и самъ въ себѣ несущій ту силу, которая мчитъ его впередъ и не даетъ уклониться ни на шагъ отъ разъ намѣченнаго направленія. Двадцатитрехлѣтнимъ юношей бѣжалъ онъ ночью изъ дома отца, чтобы поступить въ монастырь. Родителямъ онъ оставилъ письмо, отразившее спокойную убѣжденность человѣка, чистаго передъ лицомъ своей совѣсти. Въ письмѣ этомъ Савонарола скорѣе по-

учаетъ отца, чѣмъ оправдывается передъ нимъ, требуя при этомъ, чтобы тотъ утѣшилъ мать и позаботился о воспитаніи братьевъ.

Савонаролой руководила мысль о Страшномъ Судѣ, который неизбежно обрушится на развращенную Италію и очиститъ почву для высокаго расцвѣта силъ. Міръ, казалось ему, быстрыми шагами приближается къ катастрофѣ. Вся тогдашняя жизнь представлялась ему царствомъ язычества, съ папой и кардиналами во главѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что возмездіе уже близко, что чаша терпѣнія переполнилась. Куда ни обращался его взоръ, все поддерживало чувство, искавшее словъ для своего выраженія.

Нравственное паденіе современнаго Савонаролѣ итальянскаго общества, дѣйствительно, представляется нестерпимымъ съ нашей точки зрѣнія. Заговоръ Пацци не былъ исключительнымъ событіемъ для того времени—вся жизнь складывалась по такому образцу. Не было въ ту эпоху замѣтнаго человѣка, смерть котораго не давала-бы повода подозрѣвать отравленіе. Такова первая, самая естественная мысль, невольно возникающая при чтеніи дошедшихъ до насъ мемуаровъ. Внѣбрачныя дѣти дѣвушекъ или незаконно прижитыя замужними женщинами не вызывали осужденія и въ общественномъ мнѣніи ничѣмъ не отличались отъ законныхъ. Комминъ отмѣчаетъ это, какъ особенно поразившую его черту итальянскихъ нравовъ той эпохи. Предательство поджидало на каждомъ шагу, и презрѣніе навлекалъ на себя только тотъ, кого можно было перехитрить. Трусость считалась преступленіемъ лишь тогда, когда, не поддержанная коварствомъ, она не достигала своихъ цѣлей. Умнымъ-же признавался тотъ, кто не полагался даже на самыя чистосердечныя завѣренія.

Тогда не существовало того, что мы теперь называемъ стыдомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ примѣръ того, какъ жили и какъ думали въ тѣ времена. Филиппо Липпи, лучшій изъ учениковъ Мазаччіо, былъ кармелитскимъ монахомъ. Подобно многимъ другимъ монахамъ, онъ занимался живописью, но рѣдко располагалъ какими-нибудь денежными средствами. Однако, несмотря на свое всѣмъ извѣстное распутство, онъ получилъ отъ одного женскаго монастыря предложеніе написать на стѣнѣ храма образъ Св. Маргариты. Филиппо потребовалъ натурщицу, монахини дали ему красивую послушницу, Лукрецію Бути. Въ одинъ прекрасный день онъ бѣжалъ съ нею изъ монастыря. Родители дѣвушки подняли шумъ и вскорѣ нашли Лукрецію, которая, однако, заявила, что ни за что на свѣтѣ не разстанется съ Филиппо. Тогда папа Евгенийъ предложилъ художнику освободить его отъ монашескаго обѣта, чтобы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, обвиняться съ Лукреціей. Но Филиппо и слышать объ этомъ не хотѣлъ, и все осталось безъ пере-

ФРА ФИЛИППО ЛИППИ.

АКАДЕМІА. ФЛОРЕНЦІА.

ДЕТАЛЬ КАРТИНЫ «ВѢНЧАНІЕ БОГОМАТЕРИ».

Лукреція Бути.

мѣнѣ. Впослѣдствіи онъ былъ отравленъ родственниками одной изъ обманутыхъ имъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе Филиппо Липпи былъ создателемъ ликовъ Мадоннъ, исполненныхъ нѣжной чистоты. Въ своихъ произведеніяхъ онъ проявилъ лучшія черты своей натуры, какихъ мы не видимъ въ твореніяхъ современныхъ ему духовныхъ лицъ. Почтенные пастыри, епископы и кардиналы открыто признавали себя въ то время авторами стиховъ, въ сравненіи съ которыми «Amores» Овидія—лишь дѣтская пѣсня. Въ семьяхъ преступленія совершались за преступленіями, при чемъ ихъ даже и не скрывали ни отъ кого. Религія была осмѣяна и уни-

Не тронувъ Флоренціи, Карль пошелъ далѣе на сѣверъ. Тутъ-то, наконецъ, произошла первая битва за всю эту войну. При Форнуово на рѣкѣ Таро встрѣтили французы войско союзниковъ, пытавшееся задержать ихъ. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, но съ большимъ правомъ дѣлали это французы, такъ-какъ имъ удалось отбросить врага и очистить себѣ путь въ Пиемонтъ. Это произошло 6 іюля на сѣверѣ Италіи, а на югѣ Неаполь 7 іюля уже перешелъ подъ власть арагонцевъ. Положеніе французовъ сильно при этомъ пошатнулось. Этимъ воспользовались флорентійцы, чтобы потребовать отъ короля возвращенія тосканскихъ городовъ. Карль далъ стоявшимъ въ этихъ городахъ гарнизонамъ приказъ удалиться.

Но начальникъ пизанскаго гарнизона не послушался этого приказа. Просьбы гражданъ, ихъ золото, слезы одной пизанской красавицы, обѣщавшей свою любовь какъ награду, за спасеніе родного города отъ флорентійцевъ, противорѣчивые приказы, исходившіе отъ близкихъ къ королю лицъ, привели къ тому, что ворота Пизы оказались запертыми. Только Ливорно рѣшено было возвратить Флоренціи. Остальныя крѣпости французы за деньги продали Луккѣ и Генуѣ. Флоренціи оставалось лишь одно: возстановить свое право силой. Союза съ Франціей флорентійское правительство держалось крѣпко, но отказаться отъ Пизы оно не могло. Савонарола именемъ Господа, покровительствующаго флорентійскому народу, въ пламенныхъ выраженіяхъ предрекалъ, что Пиза будетъ снова принадлежать Флоренціи.

Пизанцы, опасаясь ухода французовъ, которые рано или поздно должны были оставить ихъ городъ, обратились къ Венеціи и къ Людовико Сфорца. Обѣ стороны обѣщали имъ поддержку, такъ-какъ каждая надѣялась приобщить Пизу къ своимъ владѣніямъ. Эта борьба Пизы за свободу, ея отчаянныя усилія удержаться на краю пропасти, въ которую Флоренція хотѣла столкнуть ее, вызываютъ сочувствіе всякаго, кто ближе знакомится съ этими событіями. Немногіе города съ такимъ мужествомъ отстаивали свою независимость. Но Савонарола въ этого не было дѣла. Пиза была для него Карфагеномъ, который долженъ быть разрушенъ. Ни тѣни милосердія не было въ его словахъ, когда онъ говорилъ о подчиненіи Пизы, какъ о наградѣ, ниспосланной Небомъ, и убѣждалъ флорентійцевъ сдержать себя и остаться вѣрными французской политикѣ. Въ рукахъ Савонаролы Флоренція была, какъ мягкій воскъ: все дѣлалось по его волѣ. Онъ обладалъ чудодѣйственной силой простыя, трезвыя слова превращать въ потокъ мощной рѣчи. Патетическая проповѣдь его кишѣла пословицами, вопросами и отвѣтами среди цитатъ изъ Св. Писанія и неожиданныхъ уподобленій практическаго характера, всегда доступныхъ пониманію. Онъ былъ душой города. Какъ въ наши дни хорошая газета ежедневно приноситъ своей

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?)
ЮАННЪ
КРЕСТИТЕЛЬ.

КОРОЛЕВСКИЙ
МУЗЕЙ.
БЕРЛИНЪ.

партіи извѣстное количество необходимыхъ для даннаго момента мыслей, такъ Савонарола удовлетворялъ потребности флорентійцевъ постоянно получать опредѣленную духовную пищу. Въ этомъ отношеніи Савонарола былъ неисчерпаемъ. Онъ говорилъ краткими предложеніями, безъ кричащихъ эпитетовъ, быстро и дѣловито, какъ говорятъ на улицѣ. Но мысли его неслись стремительнымъ потокомъ. И такъ-какъ онъ постоянно возвращался къ однимъ и тѣмъ-же вопросамъ, получившимъ у него съ

самаго начала опредѣленное освѣщеніе, то онъ не говорилъ своимъ слушателямъ ничего такого, что было-бы для нихъ неожиданнымъ и непонятнымъ, а только всякій разъ съ новой силой повторялъ то, что уже стало личнымъ ихъ убѣжденіемъ. Среди пророчествъ и религіозныхъ поученій онъ давалъ приказанія о томъ, какія носить одежды и какъ вести себя, дѣлалъ злободневныя политическія предписанія, соотвѣтствующія данному положенію вещей. При этомъ Савонаролѣ былъ присущъ особый тактъ, свойственный людямъ изъ народа: они умѣютъ владѣть толпой и даже при передачѣ самыхъ высокихъ мыслей не перестаютъ быть понятными темнымъ умамъ. Но одушевленіе доходило у него до фанатизма.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Микель-Анджело вернулся изъ Болоньи. Политическое положеніе было тяжелымъ и гнетущимъ. Но художники еще работали, а богатые люди покупали у нихъ произведенія. Онъ немедленно устроилъ себѣ мастерскую. Нашелся и покровитель—и даже изъ семьи Медичи.

У стараго Козимо былъ братъ, рано умершій, при жизни считавшійся большимъ цѣнителемъ наукъ и искусствъ. Его потомки продолжали жить во Флоренціи, хотя правящая вѣтвь семьи относилась къ нимъ съ нескрываемой подозрительностью. Піеро дошелъ до того, что обоимъ своимъ родственникамъ, Лоренцо и Джіованни, которые, правда, вели противъ него козни даже въ самой Флоренціи и при дворахъ другихъ государей, заключилъ въ тюрьму. Лишь съ трудомъ удалось уговорить его замѣнить тюремное заключеніе изгнаніемъ въ одну изъ виллъ съ запрещеніемъ переступать ея границы. Но оба брата бѣжали во Францію и вернулись оттуда въ свитѣ французскаго короля. Послѣ паденія Піеро они явились во Флоренцію, отреклись, въ угоду черни, отъ имени Медичи и назвали себя Роролані, совершенно такъ-же, какъ герцогъ Орлеанскій, при подобныхъ-же обстоятельствахъ, принялъ имя Egalité. Связанные черезъ своихъ женъ съ высшей знатію Италіи и обладая крупнымъ состояніемъ, они снова поселились во Флоренціи и старались отличиться преданностью свободѣ.

Лоренцо поселилъ Микель-Анджело у себя и далъ ему работу. Онъ заказалъ ему изваяніе св. Іоанна въ образѣ мальчика—Санъ Джіованнино, какъ говоритъ Кондиви. Въ послѣднее время была найдена статуя, въ которой не безъ основаній можно признать это произведеніе. Ее открыли въ одномъ изъ дворцовъ Пизы, и она была куплена Берлинскимъ Музеемъ, гдѣ обратила на себя вниманіе знатоковъ не только своей прелестью, но и явными признаками, указывающими на рѣзецъ Микель-Анджело. Іоаннъ, съ чертами нѣжнаго юноши, исполненъ невинности, сходство его съ другими работами художника бросается въ глаза. Можно, слѣдовательно, допустить, что изваяніе это сдѣлано его рукой. Я лично, впрочемъ, не вполне убѣжденъ въ этомъ, такъ-какъ выраженіе

лица мальчика и манера обработки поверхности мрамора говорятъ противъ авторства Микель-Анджело. Во всякомъ случаѣ, если это дѣйстви- тельно его созданіе, то не относится-ли оно къ болѣе позднему періоду его творчества, когда художникъ уже проживалъ въ Римѣ?

Параллельно съ работой надъ этимъ заказомъ Микель-Анджело сталъ высѣкать, на собственный счетъ, мраморнаго Купидона, котораго изобразилъ спящимъ шести-семилѣтнимъ мальчикомъ. Многіе хотять признать этого Купидона въ одной сохранившейся отъ того времени статуѣ, но вопросъ этотъ возбуждаетъ большія сомнѣнія.

МИКЕЛЬ-
АНДЖЕЛО.
РИСУНОКЪ
ПЕРОМЪ

БРИТАНСКІЙ
МУЗЕЙ.
ЛОНДОНЪ.

ПЕРВЫЙ РИМСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Въ теченіе зимы 1495—1496, когда Микель-Анджело работалъ надъ этими произведеніями, во Флоренціи разразились событія, по отношенію къ которымъ все случившееся до той поры могло показаться лишь умѣреннымъ прологомъ. Политическая буря еще не улеглась. Надежды союзниковъ завладѣть Флоренціей крѣпли, основываясь, главнымъ образомъ, на убѣжденіи, что рано или поздно удастся поспорить ее съ Франціей. Въ самой Флоренціи борьба между партіями отнюдь еще не улеглась. Продолжая свои пламенные проповѣди, Савонарола все-же принужденъ былъ понизить тонъ, и если-бы Римъ захотѣлъ въ эту минуту смирить строптиваго монаха, это ему, вѣроятно, и удалось-бы.

Въ концѣ 1495 года Медичи сдѣлали первую попытку силой оружія вернуть себѣ прежнюю власть. Ничего не добившись отъ французовъ, Піеро обратился къ союзникамъ, которые пошли ему навстрѣчу. Было рѣшено, что Флоренція пристанетъ къ союзу и откажется отъ своихъ притязаній на Пизу. Братья Медичи надѣялись, при содѣйствіи Сфорца, Бентивольи, Орсини и Сіены, завладѣть Флоренціей и привести ее къ подчиненію. Но раздоры между союзниками разрушили все предпріятіе и только усилили партію Савонаролы и его самого.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО (?)

SOUTH KENSINGTON MUSEUM, ЛОНДОНЪ.

КУПИДОНЪ.

Такъ обстояли дѣла передъ карнаваломъ въ началѣ 1496 года *). Обыкновенно карнавалъ во Флоренціи начинался съ устройства фривольнаго всенароднаго представленія. На улицахъ кипѣло днемъ и ночью безумное веселіе, отъ остроумныхъ шутокъ до распутства, кончавшагося кровавой потасовкой. Граждане проводили время на площадяхъ. Центромъ праздника обыкновенно бывало торжественное шествіе съ пѣніемъ веселыхъ пѣсенъ, а завершалось все въ послѣдній день сожженіемъ на площади деревьевъ, увѣшанныхъ собранною по домамъ всякаго рода мишурой. Церемонія эта сопровождалась общей пляской вокругъ костра.

Савонарола поступилъ точно такъ - же, какъ поступила нѣкогда христіанская церковь: не возставая противъ самаго факта языческихъ праздниковъ, она прежнимъ ихъ формамъ старалась придать новый смыслъ. Онъ устроилъ и шествіе съ пѣснями, и собраніе даровъ, и костеръ на площади, и танцы вокругъ него. Но устроилъ все это по-своему. Всему были приданы высшій смыслъ, разумъ и порядокъ. Дѣти ходили по улицамъ, стучали въ двери домовъ и нѣжными голосами выпрашивали «предосудительныхъ вещей» съ тѣмъ, чтобы сжечь ихъ во славу Господню. Въмѣсто веселыхъ шествій по улицамъ двигались религіозныя процессіи, распѣвавшія псалмы. Въ послѣдній день масляницы на площади соорудили костеръ изъ собранныхъ дѣтскими вещами. Здѣсь были свалены въ кучу музыкальные инструменты, книги съ любовными стихами, тосканскими и языческими, картины, роскошныя одежды, духи,—однимъ словомъ все, что создано для услады жизни. На этомъ гигантскомъ кострѣ, подъ духовныя пѣснопѣнія, прославлявшія Христа, «короля Флоренціи», подъ изступленную пляску толпы, погибло много прекраснѣйшихъ созданій искусства. Всѣ принимали тутъ участіе—отъ ребенка до старика. Фра Бартоломео и Лоренцо ди Креди побросали въ огонь свои собственныя созданія. Та-же участь постигла драгоценныя изданія Петрарки и Виргилія.

Наступилъ постъ. Это были для флорентійцевъ дни покаянія и сокрушенія. Пламенные проповѣди Савонаролы бичевали народъ и не давали угаснуть въ сердцахъ огню религіознаго одушевленья. Дважды папа приказывалъ Савонаролѣ прекратить свои проповѣди, но правительство и римскіе друзья его добились снятія запрещенія. Надѣялись, что послѣ этого онъ умѣритъ свой задоръ. Но Савонарола шелъ все дальше и дальше въ своихъ обличеніяхъ, отдаваясь порыву и открыто высказывая крайніе выводы своего ученія. «Я спрашиваю тебя, Римъ, восклицалъ онъ, какъ терпитъ еще тебя земля на своемъ лонѣ»? Въ Римѣ больше одиннадцати тысячъ куртизанокъ. Ночи священники проводятъ у этихъ женщинъ, а утромъ служатъ мессу и даютъ причастіе. Все въ

*) По флорентійскому календарю, который началомъ года считаетъ 25 марта.

Римъ продажно, всѣ должности, даже самую кровь Христову можно купить за деньги. Но онъ, Савонарола, не боится никого. Враги и клеветники только подтверждаютъ его слова. Но никому не дано будетъ загасить пламень, принесенный имъ на землю.

Многое уже исполнилось, но это лишь малая часть того, что онъ предсказывалъ. Римъ и Италия будутъ стерты съ лица земли, страшныя полчища мстителей наводнятъ страну и покараютъ своекорыстіе государей. Церкви, изъ которыхъ духовенство сдѣлало дома распутства, обратятся въ стойла для лошадей и нечистаго скота. Моръ и голодъ опустошатъ Италию. Такъ грозилъ Савонарола на четвертый день поста въ проповѣди, еще и сейчасъ при чтеніи производящей глубокое впечатлѣніе.

Неизвѣстно, до какой степени Микель-Анджело поддался такимъ настроеніямъ, но есть свидѣтельства, что онъ принадлежалъ къ сторонникамъ Савонаролы. До самой старости онъ продолжалъ изучать его писанія и сохранялъ въ душѣ впечатлѣніе его звучнаго голоса. Когда въ 1495 г., по требованію Савонаролы, началась перестройка залы Большаго Совѣта въ палаццо Синьоріи, Микель-Анджело былъ въ числѣ приглашенныхъ для руководства работами. Въ строительной комиссіи участвовали художники Сангалли, Баччіо д'Аньоло, Симоне дель Поллайuolo и другіе. Симоне дель Поллайuolo, болѣе извѣстный подъ именемъ Кронака, завѣдывалъ самой постройкой, а Фра Бартоломео взялъ на себя живописныя работы для воздвигнутаго въ залѣ алтаря. Все это были ревностные приверженцы Савонаролы, и среди нихъ находился и Микель-Анджело. 15 іюля былъ избранъ въ комиссію Кронака. Эта дата опредѣляетъ время возвращенія Микель-Анджело изъ Болоньи. Онъ долженъ былъ уже находиться во Флоренціи, такъ-какъ дѣятельность его въ комиссіи уже началась.

Несмотря на свою приверженность къ ученію Савонаролы, онъ, очевидно, не вполне отрекся и отъ свѣтскихъ настроеній, такъ-какъ создавалъ въ это время своего Купидона. Въ апрѣлѣ или въ маѣ 1496 г. онъ его закончилъ. Медичи пришелъ въ восторгъ отъ этой работы и указалъ художнику, какимъ образомъ получить за нее наивысшую плату. Слѣдовало придать мрамору такой видъ, будто онъ долго пролежалъ въ землѣ. Тогда онъ самъ пошлетъ статую въ Римъ, гдѣ за нее, какъ за античное произведеніе, можно будетъ просить большихъ денегъ. Повидимому, Медичи, несмотря на весь ихъ аристократизмъ, не потеряли купеческой смелости. Лоренцо обнаружилъ ее еще и въ другомъ случаѣ. Онъ сумѣлъ выгодно использовать наступившую во Флоренціи дороговизну, скупая въ Романьѣ хлѣбъ и продавая его во Флоренціи по бѣшеннымъ цѣнамъ.

Микель-Анджело послѣдовалъ его совѣту, придалъ поверхности мрамора видъ изъѣденнаго временемъ и сыростью камня и вскорѣ получилъ черезъ Лоренцо предложеніе отъ кардинала ди Санъ-Джіорджіо (того са-

маго Рафаэля Ріаріо, который служилъ мессу во флорентійскомъ Соборѣ въ день убійства Джуліано Медичи) уступить ее за тридцать дукатовъ. Мессеръ Бальдассарэ дель Миланезе, ведшій въ Римѣ переговоры по этому дѣлу, велѣлъ своему флорентійскому повѣренному выплатить эту сумму художнику, который такую цѣну счелъ, повидимому, достаточной.

Однако, секретъ происхожденія этой «античной» статуи не могъ остаться тайною навсегда. Правда дошла и до кардинала. Онъ разсердился и послалъ во Флоренцію одного изъ состоявшихъ у него на службѣ дворянъ разслѣдовать дѣло. Посланецъ притворился, что ищетъ скульпторовъ для работы въ Римѣ и пригласилъ къ себѣ, между прочимъ, и Микель-Анджело. Тотъ пришелъ, но вмѣсто того, чтобы принести съ собою напоказъ свои произведенія, взялъ перо и нарисовалъ на большомъ листѣ бумаги человѣческую руку въ натуральную величину, чѣмъ привелъ посланца въ неописуемое изумленіе. Послѣ этого онъ назвалъ свои произведенія, среди которыхъ безъ всякихъ оговорокъ упомянулъ и спящаго Купидона.

Тутъ посланецъ признался, съ какою цѣлью онъ позвалъ его къ себѣ, но при этомъ сказалъ, что кардиналъ будто-бы заплатилъ не тридцать дукатовъ, полученныхъ Микель-Анджело отъ мессера Бальдассарэ, а цѣлыхъ двѣсти. Такимъ образомъ Микель-Анджело почувствовалъ себя такъ-же обманутымъ, какъ и кардиналъ. Въ концѣ концовъ повѣренный кардинала предложилъ художнику переселиться въ Римъ, обѣщая дать ему пріютъ въ своемъ домѣ. Прельстившись разказами о томъ, что въ Римѣ онъ найдетъ открытое поле для примѣненія своего искусства и заработка денегъ и, кромѣ того, надѣясь заставить мессера Бальдассарэ уплатить недоданные сто семьдесятъ дукатовъ, Микель-Анджело отправился въ Римъ. Онъ прибылъ туда 25 іюня 1496 года.

